

Долгая дорога в Комарово осенью 64-го года

Первые километры поездки разговор был общим, потому что, как только мы тронулись, Найман сказал: "Поздравь Анну Андреевну. Только что сообщили: оксфордцы присуждают ей почетного профессора".

"Вот это — да! — подумал я, — Ай да Оксфорд! Это тебе не университет имени А.Жданова. Ну, молодцы, какой пендель врезали! И тем — в Кремле и Смольном, и — этим — с Воровского и Воинова. Ведь постановление ЦК 46-го года не отменено, действует. Им все мало: затравили Пастернака, недавно разгромили выставки, года еще не прошло — посадили Бродского..."

По контрасту с нами двумя, оживленно обрадованными, Анна Андреевна выглядела спокойной, но было очевидно: новость ей не просто приятна. Не могу объяснить — почему, но у меня от того разговора сохранилось впечатление, что, хотя таорминская премия и первая по времени, и, как чисто литературная, казалось, должна быть ей ближе, оксфордская профессура для нее важнее.

Впрочем, вполне возможно, я ошибаюсь, и надобно сделать поправку: все же так весть из Оксфорда была свежее, пришла только что. В любом случае, это воспринималось ею если не итогом, то значительным и достойным рубежом. Достойным и адекватным. Своим. (Чисто гипотетически: могу себе представить, что было бы с Ахматовой, случись невероятное, присуди ей наши лит-гос-партчиновники свою премию. Удар был бы похуже ждановского!)

Разговор мало-помалу перешел к практическим делам. Поездка в Италию была согласована выше, решена и согласована, уже — на носу. Теперь появилась мысль: не совместить ли две в одну, хватит ли сил, удобно ли хозяевам там, в Англии.

Естественно, я из разговора выключился, всел машину, не прислушивался — слышал. Помню, как меня резануло, когда в неспешной, спокойной их беседе вдруг возникла такая наша, миллионам советских понятная тема: в чем ехать? То не были заботы дамы, размышляющей, что взять из своего длинного, во всю стену гардероба. Какое... Скорее уж — растерянность курсистки перед балом, когда у одной подружки берутся туфли, у другой — выходное платье. Золушка. И это — царскосельская барышня Аня Горенко, чуть позже — красавица, покорявшая салоны Петербурга и Парижа, это, черт подери, — великий поэт, чье имя... Господи, какая стыдоба! Что с нами сделали?..

Мы выехали из города, проскочили по плавной дуге шоссе обок линии железнодорожного полотна, по языку земли меж Маркизовой Лужей и Лахтинским болотом, шоссе втянулось в безлюдные по вечернему времени Лахту, Ольгино, а потом... потом случилось то, что впрямую к Ахматовой отношения не имеет, и — слава Бо-

гу, ведь вполне могло стать печальным фактом биографии. Этого и сегодня не знает Найман, хотя его тоже касается непосредственно.

Удел пассажиров — покой невзведения, но, можете мне поверить, при том, что теперь у меня за спиной миллионы проезженных километров, тот кусок дороги — от Ольгино до Комарово, тот день — 5 ноября 64-го года — остается в памяти посейчас одним из тяжелых.

Из всех катаклизмов природы, как то: землетрясения, наводнения, белые ночи, туманы, дожди зимой или снежные бури в конце мая, с нашей, сугубо автомобильной историей больше всего сопрягаются гололеды. По этому делу Питер всемирная столица.

В те времена скромная будка ГАИ находилась метрах в двухстах за Ольгино, ближе теперешнего кемпинга, а шоссе, раздвоенное, как и ныне, в Лахте, там, за Ольгино, сходилось в одну неширокую полосу двустороннего движения.

Едва миновав околицу, я увидел стоявшего слева на обочине, боком к будке, спиной к нам милиционера, одновременно — в удалении, метрах в трехстах — объект его внимания: две машины (одна, как сейчас помню, — "Победа"), почему-то синхронно разворачивающихся на дороге обратно в сторону города.

Милиционер услышал, повернулся в нашу сторону, шагнул, постоял в странной задумчивости, долго не отрывая взгляд. Казалось, он хотел остановить, я шел тридцать (там был знак), ждал взмаха жезлом, но он только проводил глазами.

Через считанные метры, едва разминувшись с теми двумя, я понял и их неожиданный маневр, и нерешительность гаишника. Он хотел предупредить, но увидел такси, профессионала...

В сотне метров за постом, резко, как будто провели черту, так, что становилось ясно, где проходила стена дождя, начинался такой лед, какой специально залива-

ют (конькобежцы говорят — "варят") отфильтрованной теплой водой на лучших катках мира. Там человек лишь подражает природе. Здесь дождевая дистиллированная вода пала на обдуваемый ветром,

Анна Ахматова.

подмерзший асфальт, образовала идеальную для коньков, убийственную для колес дорожку.

Первую естественную реакцию, как у человека, внезапно свалившегося в холодную воду: выскочить обратно, — я подавил сразу. Над второй: сказать, посоветоваться, — раздумывал долго. Все-таки они были не простыми пассажирами, не посторонними, которые сплошь воспринимают такое, как "зарядку", в переводе с жаргона — набивание цены. Возможно, вези я их на собственном автомобиле, так бы и сделал, сказал.

Но, черт побери, — я пришел в такси работать; лед на дороге — один из подразумеваемых постоянных факторов, пусть — не желаемых, но вполне естественных; это — моя головная боль, пассажирам этого знать не требуется. Чего я добьюсь? Чтобы Анна Андреевна глотала валидол? Или — чтоб пожалели и вернулись? В самом деле: вернусь в Ольгино, пересажу их в электричку?

Естественно, больше всего я боялся встречных машин. Ни твоя осторожность, ни безупреч-

ное вождение не спасут, если на пути попадется неумелый, еще хуже — слабонервный. Мало ли что придет такому в голову при разъезде, а на этом льду — стоит ноге чуть дрогнуть — понесет,

развернет, поставит поперек дороги. Куда от него тогда денешься? Несчастье не а ш с е й профессии в том, что ты не единственный участник ж е н и я . Постоянно надо делать "поправку на дурака". Забегая вперед, скажу: с этим нам повезло.

За всю дорогу от Ольгино до Комарово и обратно — пустым до города — мне не попалось ни одной встречной машины и уж, конечно, ни один псих не обогнал. За день до ноябрьских праздников, на оживленнейшей трассе, — такое, думаю, само красноречиво говорит обо всем, а прежде всего — о моей наглости. (Кстати, чтобы вы понимали, — я действительно рассказываю о дне чрезвычайном; потом посмотрел сводку: только погибших на дорогах было 14 человек, не считая рейсового автобуса, столкнувшегося со встречным цементовозом.)

По-настоящему худо стало после Лисьего Носа. Дорога там ползет на взгорки, леса нет, с залива дул сильный ветер, а неспрямленное тогда полотно делало несколько коварных, несущих поворотов. Машину таскало по всей ширине — от обочины к обочине. Пару раз сердце, толкнувшись вверх, замирало где-то у горла.

Единожды возникнув, преследовала мысль: "Вот как тебе суж-

дено войти в русскую литературу. Станешь в затылок к Дантесу и Мартынову..."

Как нарочно, в десятке метров справа открылась, соблазнительно подставила бок, — платформа станции Горской. Ее я пропустил, но к Александровской был готов, пуст, как проколотое колесо, сдался.

Уже проговорив про себя заранее обдуманное слово, уже открыв было рот, я чуть изменил положение головы, чтобы в зеркале видеть моих пассажиров (повернуться, потерять хоть на миг контроль над дорогой не рискнул), и обнаружил в метре за своей спиной такой спокойный, тихий, нездешний разговор, что понял: для них — все, что я скажу, будет тарабарщиной, до них не дойдет, как не замечают они необычную пустоту шоссе, заносы машины, да и то, как медленно я еду.

И тогда я понял, что надо тащить до конца, запретил себе расслабляться, решил — довезу.

Оставшаяся половина пути вспоминается как бесконечно тягостный коридор, темный тоннель, чисто физически — неимоверно напряжение. Задервенела спина, окаменела шея — так, что когда в Сестрорецке Толя о чем-то спросил, я ответил почти мычанием. И — проклятая мысль о Дантесе. И что Нобелевскую дают только живым...

Последнюю часть пути, от развилки на Белоостров, — стократ знакомую, изъезженную, искоженную, вдруг проявившую непонятно откуда взявшиеся подъемы и спуски, закрытые повороты, — эту последнюю часть пути прошел, словно на автопилоте, плохо помню.

Вдруг Найман сзади приподнялся, подвинулся ко мне, сказал: "Потише, сейчас свернем". Я съехал с дороги направо и, как только колеса сошли с асфальта, лед кончился. Грунт был нормальным, не было даже изморози на траве. Приехали. Из "будки" выходили встречать; заметно было: заждались.

Второго случая накоротке встретиться с Ахматовой мне не довелось, живой ей цветы от мамы я так и не принес.

Остается только повторять — обним — вечно: "Меа максима кульпа, меа кульпа, меа кульпа!"

Санкт-Петербург